

УДК 94(47):303.833.6

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ДИСКУССИИ ВОКРУГ
СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИЙ И РЕАБИЛИТАЦИИ ИХ ЖЕРТВ

П.И. Дятленко

Рассматриваются терминологические дискуссии по сталинским репрессиям и реабилитации их жертв в позднесоветское и постсоветское время.

Ключевые слова: термины; дискуссии; сталинские репрессии; реабилитация.

TERMINOLOGICAL DISCUSSIONS AROUND THE STALINIST REPRESSIONS
AND THE REHABILITATION OF THEIR VICTIMS

P.I. Dyatlenko

The article is devoted to analysis of the terminological debates on Stalin's repressions and rehabilitation of their victims in the late Soviet and post-Soviet era.

Key words: terms; discussions; Stalin's repressions; rehabilitation.

Ряд различных факторов существенно влияет на ход и направленность терминологических дискуссий по сталинским репрессиям и реабилитации их жертв. Термины и их трактовки являются одной из самых главных и сложных проблем в процессе изучения истории сталинизма.

К настоящему времени в мировой науке достаточно подробно изучены следующие термины: “тоталитаризм”, “сталинизм” (в некоторых русскоязычных работах используется эквивалент – “сталинщина”), “десталинизация”, “террор”, “репрессии” (включая виды репрессий), “большой террор”, “ссылка”, “спецпоселение”, “депортация” и другие (подробнее об их использовании и смысле в российской и западной историографии в [1, с. 20–38; 2]).

До сих пор много политических и академических споров и интерпретаций вызывают определения “тоталитаризм”, “советское”, “советскость”, “постсоветское”.

Недостаточно изученным, как минимум на постсоветском пространстве, остается термин “реабилитация” (включая ее виды и пределы). Это связано с тем, что в некоторых постсоветских странах реабилитация продолжается, причем с разной скоростью и степенью успешности, а в отдельных даже не начиналась.

Активные и заметные дискуссии протекают не только в научных исследованиях, но и в СМИ, по-

литической и околонучной публицистике, мемуаристике, художественной литературе.

Отметим, что в советской художественной литературе было много произведений, посвященных прямо или косвенно (для преодоления советской цензуры) эпохе сталинизма и ее трагическим последствиям. К ним относятся работы советских писателей А. Платонова (настоящее имя – Андрей Платонович Климентов) (роман “Чевенгур”, повести “Котлован”, “Ювенильное море” и “Город Градов”), М.А. Шолохова (романы “Тихий Дон” и “Поднятая целина”), Б.Л. Пастернака (роман “Доктор Живаго”), А.И. Солженицына (романы “Раковый корпус” и “В круге первом”, повесть “Один день Ивана Денисовича”), В.С. Гроссмана (роман “Жизнь и судьба”), А.А. Бека (роман “Последнее назначение”), В.Д. Дудинцева (роман “Белые одежды”), А.Н. Рыбакова (роман “Дети Арбата”) и некоторых других [3, с. 18]. Все они повлияли на осмысление сталинизма и его последствий как внутри СССР, так и за его пределами, создали необходимый исторический и интеллектуальный контекст, способствовали формированию и распространению определенных терминов, исследовательского языка, направлений и границ анализа сталинизма и всей советской истории. Как результат, в годы перестройки в СССР появилось достаточно много интересных научных и публицистических изданий по анализу сталинизма (см. [4–8]).

В законодательстве различных стран и документах международных организаций изложены разные оценки и подходы к сталинизму, политическим репрессиям и реабилитации подвергшихся политическим преследованиям граждан (как отдельных лиц, так и целых народов). В качестве ярких примеров можно привести Закон США “О поработанных нациях” (1959 г.) и Специальные отчеты Специального комитета по коммунистической агрессии Палаты представителей Конгресса США, в которых для анализа советской системы использовались следующие термины: “коммунистический переворот”, “оккупация”, “поработанные нации и народы”, “коммунистическая тирания”, “подрывная активность”, “преступный сговор мирового коммунизма” и многие другие в том же духе [9].

Влияние государств реализуется не только через национальное законодательство, но и через их мемориальную, историческую и информационную политику, внешнеполитические курсы.

Безусловно, проходящие дискуссии в названных выше сферах влияют на направленность и контент научных исследований.

Чрезмерная политизированность темы в западных и посткоммунистических странах (включая все постсоветское пространство) воздействует на глобальное академическое сообщество и векторы исследований.

Российские исследователи С.А. Кропачев и Е.Ф. Кринко в предисловии к своей монографии отмечают: “К сожалению, крайности в оценках политических репрессий, Великой Отечественной войны и их демографических последствий, выступая основой для мифологизации советского прошлого, остаются одной из главных причин идейных разногласий не только в профессиональном сообществе, но и в массовом сознании россиян и жителей ряда других государств на постсоветском пространстве. Многочисленные конфликты интерпретаций, различные, порой противоположные версии и оценки советской истории приводят к ожесточенным “войнам памяти”, не позволяющим достичь общественного согласия” [1, с. 6].

Названные выше дискуссии тесно взаимосвязаны с текущей внутривнутриполитической ситуацией в каждой из стран и глобальными политическими процессами.

Во многих странах всего посткоммунистического пространства десталинизация и десоветилизация превратились в прикладные инструменты внутренней и внешней политики (в ряде случаев они использовались и продолжают использоваться для дистанцирования своих обществ и националь-

ных версий истории от России, создания и поддержания антироссийских, антирусских и антикоммунистических настроений, переписывания коммунистического или советского периода истории), и вышли далеко за пределы правового поля.

По этому поводу С.А. Кропачев и Е.Ф. Кринко пишут: “...В советской историографии традиционно осуждался белый и прославлялся красный террор, в эмигрантской – наоборот. Революционеры оправдывали террор, направленный против правительства, а сторонники сильной государственной власти занимали противоположную позицию.

Критики советского строя нередко называли осуществлявшуюся в СССР политику коммунистическим террором, подчеркивая ее идеологическую направленность. Между тем, в числе жертв террора оказалось немало и самих коммунистов, особенно в 1937–1938 гг., а сотрудники правоохранительных органов, непосредственно осуществлявшие карательные функции, напротив, не всегда являлись членами или кандидатами [в члены] ВКП(б). В результате возникла противоположная точка зрения, сторонники которой утверждали, что главной целью террора было уничтожение “настоящих” большевиков-ленинцев. Ее истоки уходят в период “оттепели”, когда началась их реабилитация” [1, с. 21].

На ход научных дискуссий воздействуют специфические особенности академических сообществ и историографические традиции в посткоммунистических государствах и странах Запада (включая посттоталитарные общества).

На западных ученых и их исследования в большей или меньшей степени оказывают влияние их институциональная принадлежность через место работы и предоставление финансирования (различные фонды, университеты, общественные и исследовательские организации, государственные структуры), меняющаяся политическая и научная мода, некоторые сохраняющиеся традиции “советологии” (в их числе многолетняя демонизация СССР, советской системы, мирового социалистического и коммунистического движения) и влияние бывших “советологов” (некоторые из них входят в политические элиты своих стран), слабое знание русскоязычных исследований позднесоветского и постсоветского периодов или их игнорирование, зачастую поверхностное знание архивных источников на русском языке и языках постсоветских государств, недостаточное знание и понимание советской действительности в российской провинции и национальных регионах (автономные и союзные республики), непродуманный перенос теоретических подходов, “простое

заимствование описательных терминов и выискивание броских параллелей” (как метко пишет об этой методологической проблеме американская исследовательница Центральной Азии Л. Адамс [10]) из истории других регионов и обществ в анализ сталинизма и всей истории СССР.

Можно согласиться с мнением известного американского специалиста по советской истории Стивена Коэна: “На Западе и особенно в Соединенных Штатах пересмотр истории определялся идеологией. Исторические реформы Горбачева, как и прежние надежды Вашингтона на то, что они состоятся, оказались моментально забыты после 1991 г., когда крах Советского Союза и мнимая победа Америки в холодной войне положили начало новой американской идеологии триумфализма. Вся история “побежденного” советского врага отныне преподносилась в американской прессе как “семь десятилетий жестокого и безжалостного полицейского государства”, как “рана, причиненная народу” и мучившая его “большую часть столетия”, как опыт, оказавшийся “насквозь даже большим злом, чем мы предполагали”...

Сходным образом реагировали и американские ученые, часть которых также подверглась влиянию “триумфалистской веры”. За небольшим исключением, они предпочли вернуться к старым советологическим аксиомам, согласно которым советская система всегда была неререформируемой, а ее судьба – predetermined. Мнение о том, что в ее истории были многообещающие, но “неизбранные дороги”, вновь было отвергнуто как “невероятная идея”, основанная на “сомнительных допущениях”...” [11, с. 83–84].

Для достаточно многочисленных работ авторов, прямо или косвенно связанных с советскими и постсоветскими правоохранными структурами, характерно умолчание и задвигание темы сталинских репрессий и реабилитации на второй план, идеализация органов государственной безопасности и перекладывание их части вины за сталинские репрессии на высшее политическое руководство СССР. Зачастую они продолжают воспроизводить советские оценки в своих публикациях [12–17].

Активно продвигают свои взгляды на сталинизм (включая описывающие его термины и их смыслы) российские коммунисты и коммунисты других постсоветских республик, которые, в отличие от европейских коммунистов, не пересмотрели своего отношения к И.В. Сталину [18].

Остановимся на специфике терминологических дискуссий в нескольких постсоветских государствах.

В постсоветских республиках Центральной Азии имеют место процессы героизации, идеализации и виктимизации различных противников советской власти: туркестанских эмигрантов (сторонников различных движений, боровшихся против большевиков в годы Гражданской войны), басмачей, военнослужащих Туркестанского легиона и Восточно-тюркского соединения СС, и других. В качестве примеров разных точек зрения укажем работы кыргызстанского историка С.И. Бегалиева [19], российского историка А.И. Пылева [20; 21] и таджикистанского историка К. Абдуллаева [22].

При этом ситуация в каждой постсоветской центральноазиатской республике существенно отличается. Например, в постсоветском Казахстане героизируют деятелей национального движения “Алаш” для подведения “национальных корней” для легитимизации существующего государства [23, с. 230]. А в Ташкенте существует Музей памяти жертв репрессий, в котором к периоду страданий отнесен не только сталинский или советский периоды, а все время пребывания Центральной Азии в составе Российской империи и СССР [24].

В посткоммунистической Грузии ситуация с десталинизацией крайне противоречива: в Гори работает музей И.В. Сталина, а в центре Тбилиси функционирует музей советской оккупации [25].

В современной России в политическом пространстве существует кроме проблематики сталинских репрессий еще и тема депортации народов. С ноября 1990 г. активно работает Конфедерация репрессированных народов России, которая в том числе занимается реабилитацией депортированных народов [26, с. 278–288].

К сожалению, в России попытки в период президентства Д.А. Медведева провести третью волну десталинизации не были реализованы из-за активного сопротивления части политической элиты и общества. Но академические и общественные дискуссии и исследования по сталинизму продолжают.

Для расширения существующего понимания сталинизма требуются целостное рассмотрение процесса политических репрессий и последующей реабилитации репрессированных граждан, поиск новых более релевантных теоретических подходов и терминов, наполнение новыми смысловыми оттенками уже существующих терминов, расширение круга доступных и исследователям, и обществу источников по всему советскому периоду истории.

Литература

1. *Кропачев С.А.* Потери населения СССР в 1937 – 1945 гг.: масштабы и формы // Отечественная историография / С.А. Кропачев, Е.Ф. Кринко. М.: РОССПЭН, 2012.
2. *Кип Дж.* Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография / Дж. Кип, А. Литвин; пер. с англ. В.И. Матузовой. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: РОССПЭН, Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009.
3. *Баталов Э.* Культ личности и общественное сознание / Э. Баталов // Суровая драма народа: ученые и публицисты о природе сталинизма. М.: Политиздат, 1989.
4. *Иного не дано.* М.: Прогресс, 1988.
5. *Осмыслить культ Сталина.* М.: Прогресс, 1989.
6. *Суровая драма народа: ученые и публицисты о природе сталинизма.* М.: Политиздат, 1989.
7. *Феофанов Ю.В.* Бремя власти / Ю.В. Феофанов. М.: Политиздат, 1990.
8. *Вождь. Хозяин. Диктатор: сборник* / сост. А.М. Разумихин. М.: Патриот, 1990.
9. *Communist takeover and occupation of Georgia. Special report №6 of the Select committee on communist aggression. House of Representatives 83 Congress. Second session.* – United States government printing office. Washington, 1955.
10. *Адамс Л.* Применима ли постколониальная теория к Центральной Евразии? / пер. с англ. А. Захарова / Л. Адамс // Неприкосновенный запас. 2009. № 4(66).
11. *Коэн Стивен.* “Вопрос вопросов”: почему не стало Советского Союза? / Коэн Стивен // Новое расширенное издание. М.: АИРО-XXI, 2011.
12. *Бобков Ф.Д.* КГБ и власть / Ф.Д. Бобков. М.: Ветеран МП, 1995.
13. *Кыргыз милициясы: Энциклопедия* /Ред коллегия төрагасы Кутуев Ө.; башкы редактору Абдылдаев М.; Ред. кенеш: Абдылдаев М. (торага), Асаналиев Т. ж.б.; Кыргыз Респ. ички иштер министрлиги. Бишкек: Мамлекеттик тил жана энциклопедия борбору, 1999.
14. *Демидов А.М.* Деятельность территориальных органов госбезопасности СССР в сфере военной экономики. 1941–1945 гг. (на архивных материалах) / А.М. Демидов. Бишкек: КРСУ, 2008.
15. *Колпакиди А.* КГБ / А. Колпакиди, А. Север. М.: Яуза : Эксмо, 2010.
16. *Некрасов В.Ф.* Аппарат ЦК КПСС в погонах и без. Некоторые вопросы обороны, госбезопасности, правоохранительной деятельности в ЦК КПСС (40-е–начало 90-х годов XX века) / В.Ф. Некрасов. М.: Кучково поле, 2010.
17. *Бобков Ф.Д.* Агенты. Опыт борьбы в “Смерше” и “Пятке” / Ф.Д. Бобков. М.: Алгоритм, 2012.
18. *Зюганов Г.А.* Сталин и современность / Г.А. Зюганов. М.: Молодая гвардия, 2009.
19. *Бегалиев С.И.* Басмачество: новый взгляд / С.И. Бегалиев // Кыргызы и Кыргызстан: опыт нового исторического осмысления / предс. редколлегии Т. Койчув; НАН КР. Бишкек: Илим, 1994.
20. *Пылев А.И.* Басмаческое движение в Средней Азии (1918-1934). Общие черты и региональные особенности: дис. ... канд. истор. наук. 07.00.03 – Всеобщая история / А.И. Пылев. СПб., 2007.
21. *Пылев А.И.* О “среднеазиатском направлении” в планах германского фашизма: малоизвестное из истории коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны / А.И. Пылев // Вестник КРСУ. 2010. Т. 10. № 8.
22. *Абдуллаев К.* Наполеон из Локая. Как Ибрагимбек противостоял Красной армии / К. Абдуллаев. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1188891360> (последнее посещение 04.08.2014).
23. *Масанов Н.Э.* Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана / Н.Э. Масанов, Ж.Б. Абылхожин, И.В. Ерофеева. Алматы: Дайк-Пресс, 2007.
24. *Абашин С.Н.* Мустакиллик и память об имперском прошлом: проходя по залам ташкентского Музея памяти жертв репрессий / С.Н. Абашин // Неприкосновенный запас. 2009, № 4(66). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/4/ab6.html> (последнее посещение 05.08.2014)
25. *Дятленко П.* Юбилей музея советской оккупации в Грузии: переписывание прошлого в интересах желаемого будущего / П. Дятленко. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1437470.html#ixzz39QW1WMY> (последнее посещение 04.08.2014).
26. *Алиев И.И.* Этнические репрессии / И.И. Алиев. М.: РадиоСофт, 2008.